

КСЕНИЯ САВИНА

ВСЕЛЕННАЯ ВЯЧЕСЛАВА КУПРИЯНОВА

Вячеслав Куприянов. Противоречия: Опыт соединения слов посредством смысла. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2019 — 560 с.

Говорить о верлибре, как о “terra non grata”, стало общим местом в критике. Пробить эту стену невозможно, да и не нужно. Конструктивнее выглядят попытки описать русский верлибр там, где он есть и отрицать его невозможно. Материал для таких попыток – редкая ценность. И потому разговор о недавно вышедшем сборнике поэтических трудов Вячеслава Куприянова особенно важен.

Название сборника “Противоречия”, к сожалению, имеет тот же оттенок “извинения”, особенно вместе с подзаголовком – “Опыт соединения слов посредством смысла”. Перед нами именно “книга стихов”, а слово “противоречия” менее всего подходит сильным и уверенным стихотворениям Куприянова, речам “за” – за поэтическую мысль, за образ и слово. Как верно подмечает автор вводной статьи, Артём Скворцов, стихи Куприянова – “...не переведённые с условно европейского подстрочника, а именно написанные, созданные средствами русского языка внутри русской культуры” верлибры. Поэтический язык Куприянова особо ценен тем, что органичен русской поэзии.

Книгу Вячеслава Куприянова можно и нужно читать долго, цикл за циклом. Каждый такой цикл можно рассматривать как единое произведение, но и каждый его элемент – как отдельное стихотворение. У каждого цикла есть название, как и почти у всех отдельных верлибров, и это показательно. В силлаботонической традиции имя имеет отнюдь не каждое стихотворение, а создание циклов кажется порой избыточным. Верлибр, освобождаясь от силлаботоники и постоянной обязательной рифмы, может полноценно задействовать эту интеллектуальную составляющую лирического творчества: сквозные образы, всесторонняя разработка мысли, объёмность и глубина рационального высказывания в рамках художественного языка – основания для собирания стихотворений в циклы и их именованя.

“На языке всех”, “Стихии стиха”, “Человеческая несправедливость”, “Требования времени” – важнейшие циклы книги. Лирический герой Куприянова – смеющийся и плачущий, мудрец, “оборачивающийся” на язык, говоря на нём, ищущий его “архэ”, чуткий удильщик смыслов. Открывающий цикл “На языке всех” построен на развитии многосложного образа языка говорения. Первое стихотворение играет на двусмысленности языка. Третье и четвёртое мастерски выстроены графически: строфика авторская, вместе с определённой изотонией и интонацией перечисления, создаёт уникальный поэтический

ритм, “отрывающий” от прямоты высказывания. Двенадцатое стихотворение строится на работе с фразеологизмами. Куприянов неподражаем в этой работе:

*на честном наречии птиц
мы заглавия глав
где говорится
о синице в руке
о журавле в небе
о том чего не клюют куры
о кукушкиных слезках
о черных воронах
о красных петухах
о синей птице
об аистах лебедях голубках
о соловье без песни
о птице
для полета*

Мерцание дополнительных смыслов и создание ритма с помощью синтаксических средств даёт эффект “ста лет одиночества и скитаний вечных”, прожитых за непродолжительный отрезок времени чтения последних строк стихотворения. Это не пустой постмодерн, а ряд широко известных отсылок – и не одурманивающе бесконечный, а исчерпывающе полный.

Восемнадцатое стихотворение “врезает” в философскую плотность цикла пронзительную лирическую ноту, соблюдая главное правило свободного стихосложения – нарушать ожидание. Завершается цикл библейским аккордом, лаконичным афоризмом – “мы соль на языке земли”, обретающим молитвенное и волнительное значение. В свете всего цикла – итог, подобный Афине, наконец расколовшей череп Зевеса и вышедшей на свет.

“Стихии стиха” интересны рефлексией о ремесле и призвании. В таких “стихах о стихах” поэты особенно обнажают приёмы. Ритмическая организация вновь риторическая, на изосинтаксизме и анафоре. Цельность стихотворениям придаёт мысль, которую необходимо “прочитать” целиком, а не проскакать по визуальным метафорам.

Возьмём стихотворения “Белый халат” и “Пауза в свободном стихе”. Они, кстати, тяготеют к дольнику, как большинство классических русских свободных стихов. Это тот случай, когда читатель остаётся в смутном сомнении – не силлаботонику ли он увидел, и торопится найти концевые рифмы (о, сила привычки!). Эти стихи задействуют фантазию читателя, “скрываясь” за прозаическим рассуждением. “Белый халат” превращается то в снежный покров, то в цвет подснежника, то в ангельское перо, чтобы преодолеть смерть (саван) и безумие (смирительную рубашку). А “Пауза в свободном стихе” – вообще о теоретическом стиховедческом вопросе (!), о роли концевой паузы. Куприянов рассуждает о том, что если пауза не создаёт строку, то ритма и нет – “... в паузе поэт переводит дыхание, // в паузе у читателя должно перехватить дыхание, // иначе напрасно движение речи поэта...” Но это было бы литературоведческое высказывание, а не стихотворение, если бы оно не заканчивалось поэтическим отвлечением: “... если в паузе вам не о чем подумать // и в этом может быть виноват // или сам поэт или академик Павлов // или собака Павлова если она зарыта // где-то между первым и последним словом”. И то, что могло бы на первый взгляд показаться всего лишь остроумием, на самом деле становится у Куприянова органичным удивлением.

“Человеческая несправедливость” – объёмный цикл на 47 стихотворений, представляющий собой россыпь рассуждений о противоречивости должного и реального, об “осуществлении” небесной правды в земную кривду. И как так в самом деле, что “... одно ребро // чтобы сотворить // женщину // и двадцать четыре ребра // чтобы в клетку // упрятать сердце...”? Быт и повседневность у Куприянова всякий раз оборачиваются надмирными вопросами.

Интересен в формальном отношении “квадрат” из четырёх верлибров – “Страх”, “Плач”, “Смех”, “Молчание”. Они построены по каскадному синтаксическому принципу. Посмотрим на “Страх” и “Смех”:

<i>Я боюсь что страшное ещё вернётся из прошлого</i>	<i>Я смеюсь над собой потому что слышу как смеются над нами</i>
<i>я боюсь что страшное ещё нагрянет из грядущего</i>	<i>над нами смеются потому что видят над чем мы смеемся</i>
<i>я боюсь настоящего страха</i>	<i>печальнее всех тот кто хочет смеяться последним</i>
<i>боюсь что страх уже не поможет</i>	<i>смешно ждать так долго</i>

Концовки стихотворений “обезоруживают”. Весь цикл пронизан сквозными поэтическими образами, “разобранными” на отдельные смыслы – справедливость, братство, местоимения и понятия “я”, “мы”, “они”. Пронзительна последняя строка всего цикла: “... как я несправедлив...”

“Требования времени” – поэтическое произведение, требующее не стиховедческого анализа, а философской критики. Через эти стихи взывает к нам само время, самое драгоценное, что мы никак не можем осознать и использовать с умом, в то время как оно ужасающе ограничено. Эта избитая вроде истина, искушённого читателя в сжатом виде повергающая в уныние: и что такого, что нового? Но в том-то и дело, что истине не нужно быть новой, чтобы быть нужной. Эти стихи дарят читателю мгновения наедине с вечностью, как всякие настоящие стихи.

В первом верлибре – “Настоящее” – интонация, создаваемая придаточными предложениями в скобках, нагнетает состояние беспомощности человеческого существа, “заключённого” в настоящее, в котором оно озабочено прошлым настолько, что “пропускает” то в будущее, “... где мельком (сколько в этом надысады, боли и презрения от превращения трагедии в фарс! – С. К.) повторяется всё // что не должно повториться”. Ясно, что здесь сухой остаток мысли вовсе не главное, а главное – сам процесс её выведения: стихотворение не пересказать, его нужно читать, оно должно осуществляться, как прямая речь. Верлибр “Время в себе” поначалу кажется прозаическим фрагментом, но слом заданного ритма и невероятный поворот лирического сюжета “подхватывают” ритм и несут в мир горний:

*...В начальную школу ходить надо вовремя
Иначе откуда потом у нас возьмется свободное время
Чтобы прогуливать высшую школу...*

Поэт парадоксальным образом говорит, что всё происходит вовремя: во время люди из прошлого свершили свои дела, чтобы не пересечься иногда буквально, иногда фантазийно с настоящими и будущими людьми. Объединение исторической “предыстории” с настоящим, живым превращает стихотворение из интеллектуальной забавы в наблюдение, граничащее с откровением:

*...И поскольку мы разучились отсчитывать время по звёздам
Исчезнувшие народы любезно оставили нам свои календари
Чтобы мы видели что их нет а их время осталось.*

И кто теперь больше “есть”, больше “настоящий” — мы или они, кого давным-давно и след простыл на земле, точно не ответишь.

“Заброшенные храмы”, стихотворение с традиционным лирическим сюжетом — тоска русского сердца по деревянному да белокаменному православию, по оставившем всюду следы времени настоящей искренней веры. Интересно проанализировать, как движется “кинолента” стихотворения: от дальней перспективы (“купола вписаны в голубую эмаль, камень — земля”) к крупным планам (“воздух помнит голоса певчих, пыль смешана с позолотой”), общим лицам (“на погостах есть у многих родня”) и отдельным людям (“засыпаны тарой из-под съеденной сытыми снеди”) и, наконец, через незначительное отвлечение (“реставраторы могут воздвигнуть святилище мира”), оттеняющее готовящееся перемещение внимания на незримое:

*И в храмах заброшенных нет прихожан,
кроме редко на землю сходящего Бога.*

Получается, что читатель “проведён” по пути во времени и пространстве, из прошлого в будущее: “общий план видимого — крупный план — обратно от частного к общему плану, но уже вселенского масштаба”.

“Противоречия” Вячеслава Куприянова надо читать долго и постепенно. Не привыкая к ритму и образу поэтического мышления, но всякий раз удивляясь и находя новые жемчужины образов и умозаключений.